

С. В. Куликов

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СПУСТЯ СТО ЛЕТ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

В статье рассматривается проблема соотношения факторов организованности и стихийности накануне и во время Февральской революции 1917 г. В отличие от предшественников автор полагает методологически неверным противопоставлять эти факторы друг другу, поскольку при любой революции они присутствуют одновременно. Причиной трактовки Февральской революции как исключительно стихийной, по мнению автора, является искусственное разведение понятий «заговор», «переворот» и «революция», которые в действительности являются этапами актуализации целостного феномена. Февраль 1917-го стал результатом деятельности Центрального военно-промышленного комитета и его Рабочей группы и был и заговором, и переворотом, и революцией, представляя собой симбиоз организованности и стихийности. Библиогр. 55 назв.

Ключевые слова: Центральный военно-промышленный комитет, Рабочая группа, заговор, переворот, революция, организованность, стихийность.

Для цитирования: Куликов С. В. Февральская революция спустя сто лет (продолжение) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 736–750. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.405>

S. V. Kulikov

THE FEBRUARY REVOLUTION A HUNDRED YEARS LATER (CONTINUED)

The article discusses the problem of correlation between factors of organization and spontaneity before and during the February revolution of 1917. Unlike the predecessors, the author believes it methodologically incorrect to oppose these factors to each other, as in any revolution they are present at the same time. The reason for interpretations of the February revolution as a purely accidental event, according to the author, is due to the artificial breeding of the concepts of “conspiracy”, “coup” and “revolution”, which in reality are the stages of mainstreaming a holistic phenomenon. February 1917 was the result of the activities of the Central Military-Industrial Committee and its Working group and was a conspiracy, coup and revolution, presenting a mixture of organization and spontaneity. Refs 55.

Keywords: Central Military-Industrial Committee, a Working group, conspiracy, coup, revolution, organization, spontaneity.

For citation: Kulikov S. V. The February revolution a hundred years later (continued). *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 4, pp. 736–750. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.405>

Готовя революцию, гвоздевцы проводили не какую-то сепаратную политику, а линию руководителей ЦВПК. «Меньшевики-оборонцы, — вспоминал эсер И. И. Мильчик, — подразумевая прежде всего членов Рабочей группы, — объективно являлись проводниками в рабочие массы лозунгов и директив левого фланга промышленной буржуазии — Коноваловых, Терещенко, Рябушинских, своих союзников по Военно-промышленному комитету» [Мильчик 1931, с. 30]. В рамках ЦВПК, вспоминал А. И. Спиридович, «представители буржуазии помогали организации рабочих-революционеров... В недрах военно-промышленных комите-

Куликов Сергей Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел новой истории России, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7; sergeyikulikov70@mail.ru

Kulikov Sergey Viktorovich — PhD in History, Senior Researcher, Department of Modern History of Russia, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russian Federation; sergeyikulikov70@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

тов работали рука об руку на государственный переворот представители рабочих и буржуазии» [Спиридович 2004, с. 302]. Таким образом, рабочее движение накануне Февральской революции развивалось не столько снизу, сколько сверху, по инициативе и при поддержке буржуазии.

В конце сентября 1916 г., с одобрения председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко и лидеров Прогрессивного блока, А. И. Гучков приступил к технической подготовке государственного переворота, имевшего официальной целью замену Николая II наследником-цесаревичем Алексеем Николаевичем при регентстве великого князя Михаила Александровича, для чего образовал и возглавил «пятерку» [Александр Иванович Гучков рассказывает 1993, с. 14–16]. В нее здесь кроме председателя ЦВПК вошли Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко, а также князь Д. Л. Вяземский и штаб-ротмистр Д. В. Косиковский, поддерживавшие связи с военными, прежде всего с гвардейскими кругами [Lyandres 2014, p. 262]. Впрочем, антиправительственную агитацию в действующей армии в предшествующее время вел сам А. И. Гучков. «Начиная с 1916 г., — вспоминала сестра Д. Л. Вяземского княгиня Л. Л. Васильчикова, — во главе “информаторов” панического характера стоял Александр Иванович Гучков... У него имелись обширные связи во всей армии, и, ненавидя государя, он задолго до революции обработал общественное мнение среди офицерства в направлении желательности и даже необходимости отречения государя для благополучного окончания войны. Он не ограничился пропагандой среди младшего офицерства, а убеждал и старших начальников» [Васильчикова 1995, с. 322–323]. «Наш заговор» [Александр Иванович Гучков рассказывает 1993, с. 19, 23], как отзывался о нем А. И. Гучков, подразумевал осуществление плана, который, показывал он Чрезвычайной следственной комиссии 4 августа 1917 г., заключался в том, чтобы «захватить, по дороге между Ставкой и Царским Селом, императорский поезд, вынудить отречение, одновременно, при посредстве воинских частей, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство». При этом заговорщики исходили из того, что отречение Николая II должно стать добровольным, ибо в противном случае, признавал А. И. Гучков, «можно было опасаться гражданской войны», иными словами — он признавал, что популярность Николая II в народе и армии отнюдь не исчерпана. Необходимо отметить, что именно согласно плану А. И. Гучкова и развивались события в ходе Февральской революции, хотя 4 августа 1917 г. он и утверждал, будто план переворота осуществления не получил [Падение царского режима 1926, с. 262, 274, 278].

Однако А. Ф. Керенский подчеркивал, что рассказ А. И. Гучкова 4 августа 1917 г. «явно несколько сглажен», учитывая, что при даче показаний он не упомянул «о той руководящей роли, которую играл в заговоре, направленном на свержение царя» [Керенский 1996, с. 137, 140]. По свидетельству меньшевика Н. И. Иорданского, переворот готовился «военной организацией», «связанной с заговорами кружка либеральных генералов и антидинастической группы Военно-промышленного комитета, но совершенно независимой от исторических революционных партий и их, слабых тогда, петербургских представительств». «Во главе заговора, — отмечал Иорданский, — стояли представители Военно-промышленного комитета — Гучков, Коновалов и др.» [Иорданский 1928, с. 170, 171]. Хотя с 13 октября по 20 декабря 1916 г. А. И. Гучков официально отсутствовал в Петрограде, находясь на лечении в Кисловодске [Дякин 1967, с. 301], он мог руководить подготовкой переворота

через посредников, в частности М. И. Терещенко. А. Ф. Керенский вспоминал, что зимой 1916–1917 гг. А. И. Гучков «не ограничивался размышлениями о восстании, а энергично занимался его подготовкой вместе с М. И. Терещенко» [Керенский 2005, с. 168]. Как отмечал А. В. Оболенский, «подготавливали революцию» прежде всего А. И. Гучков и М. И. Терещенко [Оболенский 2005, с. 365]. Действительно, согласно полицейскому донесению, в середине декабря 1916 г. на заседании Бюро ЦВПК обсуждались формы участия армии в перевороте, в связи с чем М. И. Терещенко заявил, что «достаточно 2–3 полка, с которыми и можно будет все выполнить» [Лаврычев 1967, с. 157]. А. Ф. Керенский сообщил Б. И. Николаевскому, что заговорщицкую «группу Военно-промышленного комитета» отличала «особо энергичная деятельность зимой 1916–1917 гг.» [Платонов 2000, с. 270]. В конце 1916 — начале 1917 г., вспоминал Н. В. Некрасов, «готовилась группа» в селе Медведь, в Новгородской губернии, где квартировали запасные части, и в полках Петрограда. Н. В. Некрасов занимался «технической подготовкой» восстания в столице и, например, «заранее» изучил устройство Петроградской телефонной станции с целью ее захвата во время восстания, вследствие чего оказался «одним из связующих звеньев между различными группами» [Из следственных дел Н. В. Некрасова 1998, с. 38]. Сам А. И. Гучков 23 февраля 1917 г. сообщил родственникам Д. Л. Вяземского, что добиться отречения Николая II необходимо «путем отвода царского поезда по дороге из Ставки в Царское Село», причем заверил, что железнодорожники этого участка «были уже предупреждены и все сочувствовали заговору» [Васильчикова 1995, с. 350, 351]. Когда же А. И. Гучков говорил правду — 23 февраля или 4 августа 1917 г.? Вопрос, как говорится, риторический!

Вопреки позднейшим признаниям А. И. Гучкова деятельность его «пятерки» имела вполне конкретные результаты, выразившиеся, в частности, в приобщении к заговору военной верхушки Российской империи. «Лидером искусно и давно подготовленного заговора, — доносил из Петрограда в апреле 1917 г. французский разведчик капитан де Малейси Второму бюро Генерального штаба Франции, — был Гучков, поддержанный техническими комитетами при содействии великого князя Николая Николаевича, охотно согласившегося на проникновение таких организаций в армию для ее снабжения. Менее открыто, но эффективно действовал генерал Алексеев по договоренности с большинством генералов, в том числе с Рузским и Брусиловым, не говоря о других, также предоставивших этим комитетам возможность проведения необходимой пропаганды в частях под их командованием. Алексеев уже давно контактировал с Гучковым, втайне содействуя всем своим авторитетом в армии ходу последующих событий» [Соловьев 1997, с. 103]. Следовательно, к заговору А. И. Гучкова оказались так или иначе причастны генералы, занимавшие к началу Февральской революции ключевые посты в армейской иерархии: начальник Штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев и главнокомандующие Северным, Юго-Западным и Кавказским фронтами Н. В. Рузский, А. А. Брусилов и великий князь Николай Николаевич (двоюродный дядя Николая II).

Действуя в «верхах», заговорщики не забывали и о «низах», используя Рабочую группу. По сведениям Н. И. Иорданского, Рабочая группа, «являясь для лидеров буржуазного переворота прекрасным органом информации о настроениях пролетарских масс и местом согласования некоторых политических выступлений, к буржуазно-военной организации не имела прямого доступа. Но она учитывалась

заговорщиками как удобный способ обеспечить содействие заговору со стороны рабочих масс и как возможное орудие влияния на массы в направлении умеренности и аккуратности их выступлений» [Иорданский 1928, с. 170]. Осенью 1916 г. А. И. Гучков совместно с А. И. Коноваловым и М. И. Терещенко, согласно А. И. Спиридовичу, «прикрывал революционную работу Рабочей группы» [Спиридович 2004, с. 386]. К использованию Рабочей группы для вовлечения пролетариата в будущую революцию А. И. Гучков приступил одновременно с технической подготовкой переворота на Съезде представителей областных военно-промышленных комитетов, проходившем 26–27 сентября 1916 г. в Петрограде с участием делегатов от рабочих групп. Во время съезда, согласно всеподданнейшему докладу премьер-министра Б. В. Штюрмера, А. И. Гучков объявил о своем согласии «ополчиться на борьбу с правительственной властью» [Монархия перед крушением 1927, с. 160], делегаты же, подчеркивал полицейский аналитик, «заметно полевели» и относительно правительства стали высказываться «более резко, чем в обычное время» [Политическое положение России накануне Февральской революции... 1926, с. 14, 28].

Именно в сентябре 1916 г., вспоминал П. П. Заварзин, в Петрограде «начало проявляться влияние подпольных ячеек на заводах», которые действовали по указаниям «подпольного центра» с К. А. Гвоздевым во главе [Заварзин 2004, с. 110]. Как отмечал М. В. Новорусский, «дело по подготовке революции» Рабочая группа вела «при участии многих заводских представителей» [Новорусский 1922, с. 27, 29]. В октябре — ноябре 1916 г. по инициативе гвоздевцев на предприятиях Петрограда стали выбираться «комиссии содействия Рабочей группе», которые образовывали сеть ее низовых организаций, способствуя упрочению влияния группы в среде столичного пролетариата. Так, например, на Металлическом заводе комиссии были выбраны во всех цехах, а представители цеховых комиссий входили в общезаводскую комиссию, поддерживавшую «постоянное общение с Рабочей группой», причем все выборы утверждало общезаводское собрание [К истории гвоздевщины 1934, с. 91–92]. В ноябре, вспоминал Б. О. Богданов, «огромное количество» антиправительственных листовок грузовики развозили из здания ЦВПК по фабрикам, заводам, университетам и другим учреждениям. «В такой обстановке, — заключал он, — неудивительно, что революция пеклась как на дрожжах» [Богданов 1994, с. 198, 200]. Проникновение влияния Рабочей группы в самую толщу пролетариата привело к усилению политических амбиций ее покровителей из ЦВПК.

На проходившем в Петрограде 12–15 декабря 1916 г. под председательством А. И. Коновалова Совещании представителей областных военно-промышленных комитетов лидеры ЦВПК открыто взяли курс на революцию. По предложению Рабочей группы очередной задачей военно-промышленных комитетов намечалась «не борьба с отдельными проявлениями режима, а бесповоротное устранение его и полная демократизация страны» и создание «Временного правительства, опирающегося на организующийся, самодеятельный и свободный народ» [Меньшевики 1996, с. 442–443]. Бундовец М. Г. Рафес резонно полагал, что тем самым «было впервые формулировано требование свержения царской власти» [Рафес 1922, с. 179]. Следовательно, декабрьская резолюция имела в виду именно революцию, которую, используя Рабочую группу, готовил ЦВПК, а потому по инициативе А. И. Коновалова его Бюро поддержало группу. Резолюция, принятая 14 декабря 1916 г. Совещанием в целом, призывала «Государственную думу, вместе с народом, довести до

конца свою борьбу за создание ответственного правительства и за уничтожение условий, благоприятствующих пагубному вмешательству безответственных сил в дело управления страной и ее судьбами в тылу и на фронте» (Известия ЦВПК (Петроград), 1917, № 215, с. 4). В выступлениях Рабочей группы, относящихся прежде всего к декабрю 1916 г., подчеркивал помощник начальника Канцелярии ЦВПК Е. И. Омельченко, «отразилась вся программа революции» [Омельченко 1917, с. 3]. После декабрьского совещания Рабочая группа активизировала свою деятельность по организации массового движения в Петрограде.

А. Г. Шляпников указывал, что «в первой половине января» 1917 г. Рабочая группа «повернула свою политическую ладью по ветру революционной стихии» «с благословения ... фабрикантов Бюро ЦВПК» [Шляпников 1992b, с. 29, 30–31]. В начале 1917 г., докладывал А. Т. Васильев, гвоздевы находились под влиянием А. И. Гучкова, А. И. Коновалова и Г. Е. Львова, верили в их «силу» и признавали, что именно они дадут «решительный сигнал к началу “второй великой и последней всероссийской революции”» [Буржуазия накануне Февральской революции 1927, с. 174]. В январе 1917 г., писал А. И. Спиридович, Рабочей группе «покровительствовали Гучков и Коновалов», полагая, что «сумеют использовать рабочий класс и при его помощи овладеть властью». «Находясь под защитой Гучкова, Коновалова и их друзей, — отмечал А. И. Спиридович в другом месте, подразумевая январь 1917 г., — Рабочая группа Военно-промышленного комитета смело проводила агитацию» [Спиридович 2004, с. 468, 473]. Таким образом, и в это время, как и ранее, гвоздевы выполняли директивы руководителей ЦВПК, ориентировавшихся на революцию, в связи с чем Рабочая группа направила свои усилия на проведение 9 января, в годовщину «Кровавого воскресенья», однодневной стачки-протеста, выставив лозунги «против царского самодержавия во имя обороны и спасения страны» [Маевский 1918, с. 8]. В результате 9 января в Петрограде бастовали 112 заводов и 144 498 человек [Рабочее движение в Петрограде 1958, с. 525–526], и проведенная стачка впервые за период войны приблизилась по своему масштабу к всеобщей.

На заседании 16 января по инициативе А. И. Коновалова и П. П. Рябушинского Рабочая группа приняла решение об организации к возобновлению 14 февраля заседаний IV Государственной думы всеобщей стачки заводов и фабрик Петрограда и массового шествия столичного пролетариата к Таврическому дворцу. Согласно агентурной записке от 16 января 1917 г., группа, в которую входили «крупная промышленная и финансовая буржуазия из военно-промышленных комитетов, с Коноваловым и Рябушинским во главе», «идет на окончательный разрыв с правительством, чтобы принять участие в надвигающейся буржуазной революции для организации новой “здоровой” власти, могущей раз и навсегда покончить с существующим строем, хотя бы даже путем замены его демократической республикой» [Граев 1926, с. 385, 390]. «Манифестация, — вспоминал Б. О. Богданов, — мыслилась как большое движение, которое могло стать началом революции» [Богданов 1994, с. 198]. Принятая на заседании Рабочей группы резолюция призывала «весь рабочий Петроград» пойти 14 февраля к Думе, где высказаться за «решительное устранение самодержавия» и «немедленное учреждение Временного революционного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ». То же самое говорилось и в проекте примерной резолюции, распространявшемся по предприятиям: рабочим оставалось только вставить название своего завода» [Меньшевики

1996, с. 454–457, 460–461]. Во второй половине января — начале февраля резолюция была принята на большинстве крупных предприятий Петрограда, причем одновременно получили окончательное оформление и подчиненные Рабочей группе структуры, призванные воплотить намеченное выступление.

По свидетельству Б. О. Богданова, для подготовки забастовки и демонстрации и руководства ими на Литейном, 46, была создана «большая группа», называвшаяся также «штаб» [Богданов 1994, с. 198] или «пропагандистская коллегия» [В январе и феврале 1917 г. 1918, с. 109]. В нее входило около 50 человек, как меньшевики-оборонцы, так и беспартийные, являвшиеся представителями крупнейших предприятий столицы. На фабриках и заводах Петрограда «штаб» образовал ячейки, которые осуществляли вербовку и организацию будущих демонстрантов и поддерживали связи с «центром» [Богданов 1994, с. 200]. Готовя демонстрацию, Рабочая группа, вспоминал Е. Маевский, «отнюдь не приурочивала этого движения к какому-либо дню», рассчитывая «на разные моменты в течение всей сессии» Думы [Маевский 1918, с. 12]. Следовательно, группа могла запланировать массовое движение не только на 14, но и на 23 февраля, когда началась Февральская революция. Вслед за П. Н. Милюковым историки полагали, что идея демонстрации к Таврическому дворцу — полицейская провокация, поскольку эту идею поддерживал член Рабочей группы В. М. Абросимов, агент охраны. Однако мнение П. Н. Милюкова опровергается реакцией на подготовку демонстрации 14 февраля со стороны МВД, по приказу главы которого, А. Д. Протопопова, бывшего члена ЦВПК и друга А. И. Гучкова, в ночь с 26 на 27 января 1917 г. почти вся группа во главе с К. А. Гвоздевым была арестована.

Однако А. И. Гучков и А. И. Коновалов уговорили премьер-министра князя Н. Д. Голицына оставить К. А. Гвоздева под домашним арестом, и он, отмечал М. Г. Рафес, по-прежнему имел «полную возможность поддерживать связи с рабочими организациями и деятелями» [Рафес 1922, с. 180]. Оставшиеся на свободе К. А. Гвоздев и члены Рабочей группы продолжали подготовку стачки, намеченной на 14 февраля, и неудивительно, что она все-таки состоялась. «Организованная Рабочей группой стачка 14 февраля, — вспоминал меньшевик И. Юренев, — прошла весьма успешно» [Юренев 1924, с. 130, 133]. В этот день в Петрограде бастовали 52 завода и 84 164 человек [Рабочее движение в Петрограде 1958, с. 542], хотя демонстрация «была, — вспоминал А. Ф. Керенский, — отменена, поскольку, по тактическим соображениям, Прогрессивный блок принял решение не поддерживать этот план» [Керенский 1996, с. 169–170]. «Рабочая группа, — писал М. В. Новорусский, — была вырвана из жизни 27 января. Но дело, которое она вела по подготовке революции при участии многих заводских представителей, продолжалось» [Новорусский 1922, с. 29]. «Если мы возьмем и рассмотрим все те события, которые произошли, — подразумевая Февральскую революцию, свидетельствовал П. Н. Перверзев, — мы должны сказать, что первый толчок тому движению, которое развилось в Петрограде, которое в конце концов смело династию Романовых, — первый толчок этому движению дал ЦВПК в лице его Рабочей группы. Датой начала движения нужно считать арест Рабочей группы ЦВПК. Вспомните то возбуждение, которое тогда охватило все центральные организации, вспомните те совещания, которые устраивал Гучков с представителями лидеров думских партий, с представителями всех центральных организаций, с представителями Государственного со-

вета; вспомните, что на этих собраниях впервые эти представители заявили, что наступило время активной борьбы с правительством, вспомните возбуждение, которое охватило тогда рабочие массы, вспомните те запросы, которые по этому поводу были внесены почти накануне великих событий. Вы тогда увидите причинную связь между той великой революцией, которая совершилась у нас, равной которой нет в мире, и между мелкой и крупной работой ЦВПК» [Отчет о торжественном заседании ЦВПК... 1917, с. 15]. Таким образом, П. Н. Переверзев напрямую связывал деятельность ЦВПК и его председателя не только с подготовкой Февральской революции, но и с ее победой.

Как сообщил А. И. Гучков уже в эмиграции А. П. Столыпиной, в феврале 1917 г., незадолго до революции, образовался «комитет по подготовке мятежа», куда вошли он, А. И. Гучков, А. Ф. Керенский, П. Н. Милюков, Н. В. Некрасов и «многие другие» [Столыпина 2003, с. 108]. Между тем 9 февраля 1917 г. в кабинете председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко, посвященного в заговор А. И. Гучкова, произошло совещание лидеров оппозиции и руководителей ЦВПК, когда «самым неумолимым и резким» по отношению к Николаю II, вспоминал М. В. Родзянко, оказался М. И. Терещенко [Родзянко 1926, с. 158]. По сведениям Н. Д. Соколова, участники совещания решили, что переворот «откладывать дальше нельзя», а потому, когда царь будет возвращаться из Ставки, его «в районе армии Рузского задержат и заставят отречься» [Николаевский 1990, с. 95–96]. Очевидно, что в данном случае шла речь о реализации плана «пятерки» А. И. Гучкова, который 2 марта 1917 г. именно во Пскове, где находился штаб Н. В. Рузского, и принял царское отречение.

Руководители ЦВПК не только стояли у истоков Февральской революции, но и пытались направлять ее ход. Заседания Бюро ЦВПК происходили 22, 24, 25 и 27 февраля и 1 и 2 марта 1917 г. (Известия ЦВПК (Петроград), 1917, № 209, с. 4). Выступая 8 марта 1917 г., А. И. Гучков откровенно заявил, что учреждения ЦВПК и местных военно-промышленных комитетов «сыграли роль» во время революции и он гордится их «участием» «в событиях последних дней», когда «военно-промышленная организация» «приняла ту боевую вооруженную позицию, которую пришлось принять, чтобы выполнить нашу основную и заранее поставленную задачу — добиться победы» [Отчет о торжественном заседании ЦВПК... 1917, с. 17]. В начале марта 1917 г. редактор «Известий ЦВПК» Н. М. Волковысский указывал, что комитеты «приняли деятельное участие» в «свержении» самодержавия и имели прямое отношение «к прокладке тех дорог, по которым пошла к победе восставшая Россия» (Известия ЦВПК (Петроград), 1917, № 247, с. 1). Помощник редактора «Известий ЦВПК» С. В. Дмитриевский свидетельствовал, что «в эти великие дни военно-промышленные комитеты очутились в первых рядах защитников нового строя», поскольку давно уже «вступили на путь борьбы со старой властью и сделались, в конечном результате, теми организациями, в которых было выковано первое оружие народного гнева». Именно они «на местах были организующими ячейками объединенной общественности» (Известия ЦВПК (Петроград), 1917, № 208, с. 2). Вместе с тем первенствующую роль играла «пятерка» А. И. Гучкова, что признавали и ее члены. После победы Февральской революции, обедая с несколькими офицерами-единомышленниками и объясняя им, почему «революция грянула», А. И. Гучков заметил: «Между прочим... по моей вине. Я хочу, чтобы вы об этом знали» [Верховский, с. 227–228]. А. Ф. Керенский «без колебаний» признавал, что «такие

личности, как Гучков», проявили в феврале 1917 г. «истинно революционный дух», «сражаясь за революцию» [Керенский 2005, с. 28–29]. «Интриги и происки этого человека, — писал об А. И. Гучкове А. Т. Васильев, — сильнее, чем что-либо другое, способствовали успеху революции» [Васильев 2004, с. 453]. Согласно признаниям Н. В. Некрасова, революцией руководила «небольшая кучка людей» в пять человек [Министр Н. В. Некрасов в Москве 1917, с. 2], а М. И. Терещенко, в свою очередь, отмечал: «Нас было всего пять человек. Мы решили вопрос о непосредственном перевороте и обсуждали конкретные меры для осуществления поставленной себе задачи. Так как государь уехал в Ставку, немедленно принять эти меры нельзя было. Поэтому мы наметили сроком переворота первые числа марта» [Бурджалов 1967, с. 79]. Николай II уехал в Могилев, в Ставку Верховного главнокомандующего, 22 февраля, после чего 23 февраля, как по мановению волшебной палочки, в Петрограде начались беспорядки.

План гучковцев подразумевал использование массового движения для морального давления на Николая II с целью получения от него добровольного отказа от престола — отсутствие фикции добровольности, согласно вышеприведенному признанию А. И. Гучкова, могло ввергнуть Россию в гражданскую войну. По сведениям А. В. Оболенского, «беспорядки» 23–26 февраля 1917 г. были организованы заговорщиками, чтобы «показать» Николаю II «безвыходность положения и тем принудить его к отречению» [Оболенский 2005, с. 367]. Директива о начале демонстраций исходила от руководителей ЦВПК: так, 23 февраля М. И. Терещенко прямо заявил члену ЦВПК В. П. Литвинову-Фалинскому, что «мы дадим приказ рабочим выходить на улицу» [Родзянко 1986, с. 337]. Посредниками между ЦВПК и пролетариатом выступали К. А. Гвоздев и оставшиеся на свободе члены Рабочей группы. «Оппозиционные политические деятели комитетов, — указывал А. Д. Протопопов, — через рабочих депутатов установили связь с рабочими массами и организовали их в нужное время на борьбу с существовавшим строем за осуществление политических идеалов оппозиции» [Протопопов 2001, с. 562]. М. В. Новорусский вспоминал, что «в первые дни революции, при установлении Временного правительства и при свержении самодержавия Рабочей группе принадлежало одно из самых видных мест» [Новорусский 1922, с. 29].

Организуя демонстрации 23–26 февраля, Рабочая группа использовала структуры, созданные ею к 14 февраля, прежде всего «штаб» в 50 человек, а также подконтрольные группе комиссии содействия, больничные кассы и Правление Петроградского союза потребительных обществ, который объединял 22 кооператива, расположенных во всех районах Петрограда и включавших в себя около 48 тыс. человек [Петроградский союз рабочих потребительных обществ 1918, с. 10, 13]. Н. Н. Суханов признавал за созданными Правлением 23 и 26 февраля совещаниями революционных деятелей «огромную историческую заслугу» в области подготовки «техники и организации сил революции» [Суханов 1991, с. 55–56, 62]. Усилению массового движения способствовало совещание представителей военно-промышленных комитетов, открывшееся по инициативе А. И. Гучкова днем 25 февраля в Троицком переулке, причем «руководящую роль» на нем играл К. А. Гвоздев [Гибель царского Петрограда... 1991, с. 42]. В 8 часов вечера, с разрешения А. И. Гучкова, в здании ЦВПК на Литейном, 46, происходило собрание с участием А. Ф. Керенского и М. И. Скобелева [Февральская революция 1917 г. 1996, с. 58, 60]. На нем

присутствовали и участники совещаний, проходивших ранее под эгидой Петроградского союза потребительных обществ, всего — «человек 50»: очевидно, это был упоминавшийся выше «штаб» [Богданов 1994, с. 198, 200]. Тем временем К. И. Глобачев извещал командующего Петроградским военным округом генерала С. С. Хабалова, что «выступление толпы, несомненно, инспирируется» «революционерами», собравшимися в ЦВПК «под предлогом, якобы, обсуждения вопроса о продовольствии, но в существе дела для обсуждения вопроса об организации беспорядков» [Падение царского режима 1924, с. 188, 194]. Характеризуя собрание 25 февраля, рабочий-гвоздевец И. Марков отмечал: «Фактически-то это и был уже Совет рабочих депутатов, самими рабочими еще без указания партийных центров составлявшийся» [Марков 1927, с. 96]. Хотя собрание на Литейном полиция разогнала, арестовав 28 человек, несмотря на протесты М. И. Терещенко, по его воспоминаниям, один из задержанных рабочих, Вейсман, «весело» сказал, обращаясь к остальным: «Еще одно усилие — и дело будет наше! Только не сдавайтесь!» [Бурджалов 1967, с. 159]. Очевидно, что так мог говорить не просто рядовой участник революции, а один из ее организаторов, который являлся беспартийным и принадлежал к «группе привилегированных служащих» больничной кассы Путиловского завода [Лемешев 1986, с. 200]. Степень революционности рабочих была обусловлена степенью революционности их покровителей из ЦВПК. Вечером 26 февраля А. И. Коновалов объезжал рабочих, организуя выборы в Совет рабочих депутатов [Философов 1992, с. 195]. Тогда же, узнав от кадета В. А. Маклакова о его переговорах с министрами и попытках достичь компромисса между кабинетом Н. Д. Голицына и оппозицией, А. И. Коновалов возмущенно воскликнул: «Что вы делаете? На фабриках сейчас происходят выборы депутатов. Мы накануне революции, а вы ее хотите сорвать» [Маклаков 1946, с. 312]. Понятно, что достижение компромисса с императорским правительством в планы руководителей ЦВПК, тем более — А. И. Коновалова, настроенного республикански, попросту не входило.

Утром 27 февраля, в решающий день Февральской революции, именно руководители ЦВПК инициировали восстание запасного батальона Волынского полка. Во всяком случае, по сведениям Н. И. Иорданского, выступление волынцев «получило направление от военной организации» А. И. Гучкова, которая хотя и «была недостаточно оформлена, не закончена, не приготовлена к повстанческой борьбе, связана только с одиночками и мелкими солдатскими кружками», однако «общая наметка первоначальных операций, несомненно, могла быть известна и той небольшой части солдат, которая уже находилась в сношениях с заговорщиками и которая имела возможность тайно получить указания от руководящей группы, из осторожности державшейся в тени» [Иорданский 1928, с. 170–171]. Руководя мятежом, лидеры ЦВПК в то же время активно способствовали созданию 27 февраля Временного комитета Государственной думы и Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. С утра 27 февраля Н. И. Некрасов находился в Таврическом дворце, приглашая по телефону депутатов прийти в него [Из следственных дел Н. В. Некрасова... 1998, с. 20], несмотря на то что заседания Думы 25 февраля были прерваны до апреля. Немедленно после освобождения восставшими из тюрьмы «Кресты» членов Рабочей группы начальник Канцелярии ЦВПК барон Г. Х. Майдель, используя, как писал Н. И. Иорданский, «гучковский или коноваловский автомобиль», «с благословения» своих патронов объезжал вместе с Гвоздевым петроградские предприя-

тия и вел агитацию в пользу «немедленных выборов Совета рабочих депутатов по примеру 1905 г.» [Иорданский 1928, с. 169]. Освобожденные гвоздецы, в том числе Б. О. Богданов, направились в ЦВПК для того, чтобы, по выражению М. В. Новорусского, «дать толчок к дальнейшим действиям». Б. О. Богданов, «располагающий той силой, которая вышла на улицу в его отсутствие», обратился к общественным деятелям, находившимся в ЦВПК: «Идемте все в Думу. Мы власть уже захватили. Но без вас не сможем удержать ее. Будем действовать вместе» [Новорусский 1922, с. 30]. Члены Рабочей группы и их сторонники вошли в Таврический дворец после полудня [Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона... 2000, с. 30–31], воплощая пропагандировавшуюся Рабочей группой идею союза пролетариата и «цензовой общественности» в борьбе против царизма. Е. Маевский указывал, что «работа группы, все время направлявшая внимание рабочей демократии к Думе, не пропала даром»: «она сказалась в февральских днях, когда стихия революционного движения, после некоторых блужданий, влилась в то русло, на которое указывало своей годовой работой среди петроградского пролетариата рабочее представительство при ЦВПК» [Маевский 1918, с. 12].

После появления в Таврическом дворце гвоздецев депутаты по инициативе Н. В. Некрасова и его единомышленников вступили на путь «первых революционных шагов», устроив частное совещание, образовавшее Временный комитет Думы во главе с М. В. Родзянко [Из следственных дел Н. В. Некрасова... 1998, с. 20]. Из 13 членов Временного комитета 4 были членами ЦВПК и двое связаны с Рабочей группой, т. е. составляли половину Временного комитета. Вечером 27 февраля К. А. Гвоздев, Б. О. Богданов и члены Рабочей группы образовали в Таврическом дворце Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов [Мстиславский 1922, с. 13], которому именно А. И. Коновалов предоставил комнату Бюджетной комиссии [Оболенский 1988, с. 515]. Вскоре там можно было встретить «многих заводских представителей» из числа сторонников Рабочей группы. «Эти представители, — вспоминал М. В. Новорусский, — являясь десятками в Рабочую группу, постепенно формировали зародыш “Совета рабочих депутатов”, который тотчас вылупился из яйца, как только приспело к тому время» [Новорусский 1922, с. 29]. Руководители ЦВПК сыграли решающую роль и в защите новой власти, и в подавлении очагов контрреволюции. Под «штаб восстания» Н. В. Некрасов отвел в Таврическом дворце комнаты № 41 и 42, т. е. собственный кабинет и смежное с ним помещение. А. И. Гучков уже 27 февраля предложил депутатам образовать Военную комиссию «по защите Думы от правительства», назначить ее председателем прогрессиста Б. А. Энгельгардта, а его помощником — инженера П. И. Пальчинского (члена ЦВПК) [Верховский 1959, с. 212]. Последний хотя и не являлся депутатом, однако, будучи, по свидетельству полковника Ф. И. Балабина, «единомышленником и ставленником» А. И. Гучкова, фактически возглавлял Военную комиссию [Тинченко 2000, с. 317–318]. Характеризуя ситуацию в Военной комиссии, активный участник революции генерал П. А. Половцов писал: «Дело ведет Пальчинский» [Половцов 1999, с. 26]. Благодаря Пальчинскому уже 27 февраля в распоряжении комиссии оказались 60 автомобилей [Гараевская 1996, с. 60], которые использовались восставшими для установления контроля над отдельными районами Петрограда и агитации за превращение Думы в центр революции. На этих автомобилях вооруженные солдаты и рабочие, связанные, по свидетельству М. Г. Рафеса, с Рабочей

группой, разъезжали по столице и кричали толпам: «Идите в Таврический дворец! Идите в Государственную думу!» [Рафес 1922, с. 185–186].

Н. В. Некрасов, ведя «техническую работу помощи революции», вплоть до 3 марта находился в Таврическом дворце, откуда по телефону давал распоряжения и справки, в частности Петроградской телефонной станции и своим представителям «в разных учреждениях», а также подписывал приказы об арестах, занятии ведомств и назначении в них комиссаров. Н. В. Некрасов же руководил и членом ЦВПК А. А. Бубликовым, который с 28 февраля как комиссар Временного комитета в МПС контролировал передвижение поездов Николая II и отряда генерала Н. И. Иванова [Из следственных дел Н. В. Некрасова... 1998, с. 20]. А. А. Бубликов, по его признанию, «с особенной внимательностью» следил за ними и принимал меры «по задержанию таких поездов в подходящих для этого местах» [А. А. Бубликов в Москве (беседа) 1917, с. 2]. Сотрудники ЦВПК прямо указывали, что царский и ивановский поезда были «задержаны» «по приказанию А. А. Бубликова» (Известия ЦВПК (Петроград), 1917, № 208, с. 4). В результате Николай II оказался во Пскове, и хотя 2 марта переговоры с Н. В. Рузским о необходимости царского отречения вел М. В. Родзянко, за ним находилась фигура суфлировавшего ему А. И. Гучкова. Приехавший 1 марта в Царское Село Н. И. Иванов получил из Петрограда следующую ориентировку: «...Все говорят, что хозяйничает Родзянко, но фактически Гучков» [Падение царского режима 1926а, с. 323]. «Теперь можно с уверенностью сказать, — отмечала Л. Л. Васильчикова, — что почти единодушный ответ командующих фронтами на вопрос государя, следует ли ему отречься, был следствием пропаганды на фронте Александра Ивановича Гучкова» [Васильчикова 1995, с. 323]. Между тем из 11 членов Временного правительства, образовавшегося 2 марта, только трое — В. Н. Львов, А. А. Мануйлов и П. Н. Милюков — не принадлежали к числу членов ЦВПК либо не имели связи с его Рабочей группой. Под давлением Временного комитета и Временного правительства 3 марта великий князь Михаил Александрович отказался от принятия верховной власти в пользу Учредительного собрания, и тем самым получила воплощение программа, изложенная в первой резолюции Рабочей группы, принятой 29 ноября 1915 г. в присутствии А. И. Гучкова и с его молчаливого согласия. Так или иначе, но 23 февраля — 3 марта реальный, а не декоративный штаб революции находился на Литейном, 46, а не в Таврическом дворце, причем даже тогда, когда 27 февраля там образовалась Военная комиссия, поскольку главную роль в ней играли деятели, связанные с ЦВПК, «люди Гучкова».

Рассмотрение ключевых событий Февральской революции показывает, что она в известной степени стала результатом реализации плана государственного переворота, разработанного «пятеркой» А. И. Гучкова и воплощенного ЦВПК и его Рабочей группой, хотя, бесспорно, свою роль играли и Дума, и социалисты, и масоны, и английские и германские агенты, наконец, человеческая стихия, проявившаяся в погромах хлебных лавок, винных погребов и т. д. Почему же в историографии, вопреки очевидным фактам, возобладало мнение об исключительно стихийном характере Февральской революции? Непосредственно после падения монархии признание революции не стихийной, а инспирированной кучкой заговорщиков затрудняло ее легитимацию и лишало случившееся ореола всенародного волеизъявления. Характерны сомнения А. А. Блока, близкого друга М. И. Терещенко, от которого поэт мог узнать о закулисной стороне февральских событий. «Революция, — писал

он в дневнике 25 мая 1917 г., — предполагает волю; было ли действие воли? Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция?» [Блок 1963, с. 255]. И уже 8 марта 1917 г. А. И. Гучков объявил: «Не людьми этот переворот сделан и, поэтому, не людьми может он быть разрушен» [Отчет о торжественном заседании ЦВПК... 1917, с. 18]. Позднее изучение проблемы организованности Февральской революции затруднялось идеологами, сковывавшими работу советских историков. Так, классовая парадигма, в ее ленинской интерпретации, не позволяла отделиться от жесткого противопоставления буржуазии и пролетариата, из-за чего даже не возникало вопроса об их способности действовать солидарно, как это происходило накануне и во время Февральской революции. Между тем надуманность заявлений о руководящей роли большевиков во время революции была настолько очевидна, что нежелание или отсутствие возможности признать революционность «классового врага» заставляло писать о стихийности произошедшего. Западные историки во многом находились под влиянием не только советских историков, но и воспоминаний эмигрантов, которые (в том числе и А. И. Гучков) имели веские причины преуменьшать свою роль в свержении монархии. После того как революционный процесс вышел из-под контроля заговорщиков и стал развиваться не в том направлении, на которое они рассчитывали, у них возникло естественное стремление снять с себя ответственность за дальнейшее «углубление революции», свалив вину за личные просчеты на разгул народной стихии. Так версия о стихийном характере Февральской революции оказалась выгодной и белым, и красным, являя собой с научной точки зрения некую историографическую аномалию. Ныне, по прошествии ста лет, наконец-то настало время признать, что Февраль 1917-го был симбиозом факторов и стихийности, и организованности, одновременно и заговором, и переворотом, и революцией.

Источники и литература

- А. А. Бубликов в Москве (беседа) // Утро России (Москва). 1917. № 75. С. 2.
- Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М.: Вопросы истории, 1993. 144 с.
- Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. 544 с.
- Богданов Б. О. Фрагменты воспоминаний // Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик. СПб.: Мемориал, 1994. С. 190–205.
- Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М.: Наука, 1967. 408 с.
- Буржуазия накануне Февральской революции: сб. документов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 228 с.
- В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А. Д. Протопопова // Былое (Петроград). 1918. № 13. С. 91–123.
- Васильев А. Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений: в 2 т. М.: НЛЮ, 2004. Т. 2. С. 345–515.
- Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия. Воспоминания. 1886–1919. СПб.: Петербургские сезоны, 1995. 544 с.
- Верховский А. И. На трудном перевале. М.: Военное изд-во, 1959. 448 с.
- Гараевская И. А. Петр Пальчинский. Биография инженера на фоне войн и революций. М.: Россия молодая, 1996. 175 с.
- Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка // Русское прошлое (С.-Петербург). 1991. Кн. 1. С. 7–72.
- Граев Б. Б. К истории классовых борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 — февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 414 с.
- Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. // Вопросы истории (Москва). 2000. № 6. С. 3–31.

- Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений: в 2 т. М.: НЛО, 2004. Т. 2. С. 7–138.
- Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. // Вопросы истории (Москва). 1998. № 11–12. С. 10–48.
- Иорданский Н. И.* Военное восстание 27 февраля. Заметки // Молодая гвардия (Москва). 1928. Кн. 1. С. 162–172.
- К истории гвоздещины. «Бюллетени» Рабочей группы ЦВПК // Красный архив (Москва). 1934. Т. 67. С. 28–92.
- Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. М.: ТЕРРА, 1996. 512 с.
- Лемешев Ф. А.* На Путиловском заводе в годы войны // Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. — февраль 1917 г.). Л.: Лениздат, 1986. С. 189–214.
- Маевский Е.* Канун революции. Из истории рабочего движения накануне революции 1917 г. Деятельность рабочего представительства при ЦВПК (по материалам). Пг.: [Б. и.], 1918. 120 с.
- Маклаков В. А.* Канун революции // Новый журнал (Нью-Йорк). 1946. Кн. 14. С. 306–314.
- Марков И.* Как произошла революция (запись рабочего) // Воля России (Прага). 1927. Вып. 3. С. 67–109.
- Меньшевики.* Документы и материалы. 1903–1917 гг. М.: РОССПЭН, 1996. 408 с.
- Миличик И. И.* Рабочий Февраль. М.; Л.: Молодая гвардия, 1931. 95 с.
- Министр Н. В. Некрасов в Москве // Утро России (Москва). 1917. № 75. С. 2.
- Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и др. документы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 308 с.
- Мстиславский С. Д.* Пять дней. Начало и конец Февральской революции. М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 162 с.
- Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция. М.: ТЕРРА, 1990. 200 с.
- Новорусский М. В.* Рабочая группа Военно-промышленного комитета // Историко-революционный бюллетень (Петроград). 1922. № 2–3. С. 27–30.
- Оболенский А. В.* Мои воспоминания // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 2. М.: Наука, 2005. С. 314–375.
- Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris: YMCA-PRESS, 1988. 754 с.
- Омельченко Е. И.* Рабочая группа ЦВПК. Исторический очерк // Известия ЦВПК (Петроград). 1917. № 221. С. 3.
- Отчет о торжественном заседании ЦВПК 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг.: ЦВПК, 1917. 24 с.
- Падение царского режима. Стенограф. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в ЧСК Временного правительства: в 7 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924–1927. Т. 1. М.; Л., 1924. 434 с.
- Падение царского режима. Стенограф. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в ЧСК Временного правительства: в 7 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924–1927. Т. 5. М.; Л., 1926. 476 с.
- Петроградский союз рабочих потребительных обществ (Петросоюз). История союза и его организация (с приложением принятых инструкций): сб. Пг.: Петроградский союз рабочих потребительных обществ, 1918. 96 с.
- Платонов О. А.* Тайная история масонства. Документы и материалы: в 2 т. М.: Русский вестник, 2000. Т. 2. 736 с.
- Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив (Москва). 1926. Т. 17. С. 3–35.
- Половцов П. А.* Дни затмения. М.: ГПИБ, 1999. 273 с.
- Протопопов А. Д.* Предсмертная записка // Искендеров А. А. Закат империи. М.: Вопросы истории, 2001. С. 552–572.
- Рабочее движение в Петрограде в 1912–1917 гг. Документы и материалы. Л.: Лениздат, 1958. 686 с.
- Рафес М. Г.* Мои воспоминания // Былое (Петроград). 1922. № 19. С. 177–197.
- Родзянко М. В.* Крушение Империи // Архив русской революции (Берлин). 1926. Т. 17. С. 5–169.
- Родзянко М. В.* «Крушение Империи» и «Государственная дума и Февральская 1917 г. революция». Нью-Йорк: Valley Cottage, 1986. 336 с.
- Соловьев О. Ф.* Революция глазами Второго бюро // Свободная мысль (Москва). 1997. № 9. С. 102–110.
- Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск: Харвест, 2004. 720 с.
- Столыпина А. П.* Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания // П. А. Столыпин в воспоминаниях дочерей. М.: Аграф, 2003. С. 9–151.
- Суханов Н. Н.* Записки о революции: в 3 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 1. 384 с.

Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 гг. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 496 с.

Февральская революция 1917 г. Сб. документов и материалов. М.: РГГУ, 1996. 353 с.

Философов Д. В. Дневник // Звезда (С.-Петербург). 1992. № 1. С. 193–205.

Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: в 3 т. Т. 2. М.: Республика, 1992. 496 с.

Юрнев И. Межрайонка (1911–1917) // Пролетарская революция (Москва). 1924. № 25. С. 130–145.

Lyandres S. The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2014. 322 p.

References

- A. A. Bublikov v Moskve (beseda). *Utro Rossii* (Moscow), 1917, no. 75, p. 2. (In Russian)
- Aleksandr Ivanovich Guchkov rasskazyvaet... *Vospominaniia predsedatel'ia Gosudarstvennoi dumy i voennogo ministra Vremennogo pravitel'stva*. Moscow, Voprosy istorii Publ., 1993, 144 p. (In Russian)
- Blok A. A. *Sobranie sochinenii*. In 8 vols. Volume 7. Moscow; Leningrad, Goslitzdat Publ., 1963, 544 p. (In Russian)
- Bogdanov B. O. Fragments vospominanii. *Bogdanova N. B. Moi otets — men'shevik*. St. Petersburg, Memorial Publ., 1994, pp. 190–205. (In Russian)
- Burdzhalov E. N. *Vtoraia russkaia revoliutsiia. Vosstanie v Petrograde*. Moscow, Nauka Publ., 1967, 408 p. (In Russian)
- Burzhuaizii nakanune Fevral'skoi revoliutsii. Sbornik dokumentov*. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1927, 228 p. (In Russian)
- V ianvare i fevrale 1917 g. Iz doneseniia sekretnykh agentov A. D. Protopopova. *Byloe* (Petrograd), 1918, no. 13, pp. 91–123. (In Russian)
- Vasil'chikova L. L. *Ischeznuvshaia Rossiia. Vospominaniia. 1886–1919*. St. Petersburg, Peterburgskie sezony Publ., 1995, 544 p. (In Russian)
- Vasiliev A. T. Okhrana: russkaia sekretnaia politsiia. «Okhranka». *Vospominaniia rukovoditelei okhrannykh otdelenii*. In 2 vols. Moscow, NLO Publ., 2004, volume 2, pp. 345–515. (In Russian)
- Verkhovskiy A. I. *Na trudnom perevale*. Moscow, Voennoe izdatel'stvo Publ., 1959, 448 p. (In Russian)
- Garevskaya I. A. *Petr Pal'chinskii. Biografiia inzhenera na fone voin i revoliutsii*. Moscow, Rossiia molodaia Publ., 1996, 175 p. (In Russian)
- Gibel' tsarskogo Petrograda. Fevral'skaia revoliutsiia glazami gradonachal'nika A. P. Balka. *Russkoe proshloe*. St. Petersburg, 1991, volume 1, pp. 7–72. (In Russian)
- Grave B. B. *K istorii klassovoi bor'by v Rossii v gody imperialisticheskoi voiny. Iiul' 1914 — fevral' 1917 g. Proletariat i burzhuaizii*. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1926, 414 p. (In Russian)
- Doneseniya L. K. Kumanina iz Ministerskogo pavi'l'ona Gosudarstvennoi dumy, dekabr' 1911 — fevral' 1917 g. *Voprosy istorii* (Moscow), 2000, no. 6, pp. 3–31. (In Russian)
- Zavarzin P. P. Zhandarmy i revoliutsionery. «Okhranka». *Vospominaniia rukovoditelei okhrannykh otdelenii*. In 2 vols. Moscow, NLO Publ., 2004, volume 2, pp. 7–138. (In Russian)
- Iz sledstvennykh del N. V. Nekrasova 1921, 1931 i 1939 gg. *Voprosy istorii* (Moscow), 1998, no. 11–12, pp. 10–48. (In Russian)
- Iordanskiy N. I. Voennoe vosstanie 27 fevralya. *Zametki. Molodaia Gvardiia* (Moscow), 1928, volume 1, pp. 162–172. (In Russian)
- K istorii gvozdevshchiny. “Biulleteni” Rabochei grupy CVPK. *Krasnyi arkhiv* (Moscow), 1934, volume 67, pp. 28–92. (In Russian)
- Kerensky A. F. *Rossiia na istoricheskom povorote*. Moscow, TERRA Publ., 1996, 512 p. (In Russian)
- Lemeshev F. A. *Na Putilovskom zavode v gody voiny. Krushenie carizma. Vospominaniia uchastnikov revoliutsionnogo dvizheniia v Petrograde (1907 g. — fevral' 1917 g.)*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1986, pp. 189–214. (In Russian)
- Mayewski E. *Kanun revoliutsii. Iz istorii rabochego dvizheniia nakanune revoliutsii 1917 g. Deyatel'nost' rabochego predstavitel'stva pri CVPK (po materialam)*. Petrograd, [S. n.], 1918, 120 p.
- Maklakov V. A. Kanun revoliutsii. *Novyi zhurnal* (NewYork), 1946, volume 14, pp. 306–314. (In Russian)
- Markov I. Kak proizoshla revoliutsiya (zapis' rabochego). *Volia Rossii* (Prague), 1927, volume 3, pp. 67–109. (In Russian)
- Men'sheviky. Dokumenty i materialy. 1903–1917 gg.* Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, 408 p. (In Russian)
- Mil'chik I. I. *Rabochii Fevral'*. Moscow; Leningrad, Molodaia Gvardiia Publ., 1931, 95 p. (In Russian)
- Ministr N. V. Nekrasov v Moskve. *Utro Rossii* (Moscow), 1917, no. 75, p. 2. (In Russian)

- Monarhiia pered krusheniem. 1914–1917. Bumagi Nikolaia II i drugie dokumenty.* Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1927, 308 p. (In Russian)
- Mstislavsky S. D. *Pyat' dnei. Nachalo i konets Fevral'skoi revoliutsii.* Moscow, Izdatel'stvo Z. I. Grzhebina Publ., 1922, 162 p. (In Russian)
- Nikolaevskiy B. I. *Russkie masony i revoliutsiia.* Moscow, TERRA Publ., 1990, 200 p. (In Russian)
- Novorussky M. V. Rabochaia gruppa Voenno-promyshlennogo komiteta. *Istoriko-revoliutsionnyi biulleten'* (Petrograd), 1922, no. 2–3, pp. 27–30. (In Russian)
- Obolensky A. V. *Moi vospominaniia. Problemy istorii Russkogo zarubezh'ia: materialy i issledovaniia.* Issue 2. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 314–375. (In Russian)
- Obolensky V. A. *Moia zhizn'. Moi sovremenniki.* Paris, YMCA-PRESS, 1988, 754 p. (In Russian)
- Omel'chenko E. I. Rabochaia gruppa CVPK. *Istoricheskie ocherk. Izvestiia CVPK* (Petrograd), 1917, no. 221, pp. 3. (In Russian)
- Otchet o torzhestvennom zasedanii CVPK 8 marta 1917 g. v Aleksandrovskom zale Petrogradskoi gorodskoi dumy.* Petrograd, CVPK Publ., 1917, 24 p. (In Russian)
- Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otcety doprosov i pokazanii, dannyykh v 1917 g. v CHSK Vremennogo pravitel'stva.* In 7 vols. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1924–1927. Volume 1. Moscow; Leningrad, 1924, 434 p. (In Russian)
- Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otcety doprosov i pokazanii, dannyykh v 1917 g. v CHSK Vremennogo pravitel'stva.* In 7 vols. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1924–1927. Volume 5. Moscow; Leningrad, 1926, 476 p. (In Russian)
- Petrogradskii soiuz rabochikh potrebitel'nykh obshchestv (Petrosoiuz). Istoriia soiuz a ego organizatsiia (s prilozheniem priniatykh instruksii). Sbornik.* Petrograd, Petrogradskii soiuz rabochikh potrebitel'nykh obshchestv Publ., 1918, 96 p. (In Russian)
- Platonov O. A. *Tainaia istoriia masonstva. Dokumenty i materialy.* In 2 vols. Moscow, Russkii vestnik Publ., 2000, volume 2, 736 p. (In Russian)
- Politicheskoe polozhenie Rossii nakanune Fevral'skoi revoliutsii v zhandarmskom osveshchenii. *Krasnyi arkhiv* (Moscow), 1926, volume 17, pp. 3–35. (In Russian)
- Polovcov P. A. *Dni zatmeniia.* Moscow, GPB Publ., 1999, 273 p. (In Russian)
- Protopopov A. D. *Predsmertnaia zapiska.* Iskenderov A. A. *Zakat Imperii.* Moscow, Voprosy istorii Publ., 2001, pp. 552–572. (In Russian)
- Rabochee dvizhenie v Petrograde v 1912–1917 gg. Dokumenty i materialy.* Leningrad, Lenizdat Publ., 1958, 686 p. (In Russian)
- Rafes M. G. *Moi vospominaniia. Byloe* (Petrograd), 1922, no. 19, pp. 177–197. (In Russian)
- Rodzianko M. V. *Krushenie Imperii. Arkhiv russkoi revoliutsii* (Berlin), 1926, volume 17, pp. 5–169. (In Russian)
- Rodzianko M. V. “*Krushenie Imperii*” i “*Gosudarstvennaia дума i Fevral'skaia 1917 g. revoliutsiia*”. New York, Valley Cottage, 1986, 336 p. (In Russian)
- Solov'iev O. F. *Revoliutsiia glazami Vtorogo biuro Revolution in the eyes of the Second Bureau. Svobodnaia mysl'* (Moscow), 1997, no. 9, pp. 102–110. (In Russian)
- Spiridovich A. I. *Velikaia voina i Fevral'skaia revoliutsiia. Vospominaniia.* Minsk, Harvest Publ., 2004, 720 p. (In Russian)
- Stolypina A. P. *Chelovek poslednego tsaria. Stolypin. Vospominaniia. P. A. Stolypin v vospominaniakh docherei.* Moscow, Agraf Publ., 2003, pp. 9–151. (In Russian)
- Sukhanov N. N. *Zapiski o revoliutsii.* In 3 vols. Moscow, Politizdat Publ., 1991, volume 1, 384 p. (In Russian)
- Tinchenko Y. Y. *Golgofa russkogo ofitserstva v SSSR. 1930–1931 gg.* Moscow, Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond Publ., 2000, 496 p. (In Russian)
- Fevral'skaya revoliutsiia 1917 g. Sbornik dokumentov i materialov.* Moscow, RGGU Publ., 1996, 353 p. (In Russian)
- Filosofov D. V. *Dnevnik. Zvezda* (St.-Petersburg), 1992, no. 1, pp. 193–205. (In Russian)
- Shlyapnikov A. G. *Kanun semnadtsatogo goda. Semnadtsatyi god.* In 3 vols. Moscow, Respublika Publ., 1992, volume 2, 496 p. (In Russian)
- Yurenev I. *Mezhraionka (1911–1917). Proletarskaia revoliutsiia* (Moscow), 1924, no. 25, pp. 130–145. (In Russian)
- Lyandres S. *The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution.* Oxford, Oxford University Press, 2014, 322 p.

Received: 08.06.2017

Accepted: 20.11.2017